



## П Р О Л О Г



**М**аленький холодный городок. Зимой весь белый в пушистых сугробах. Длинные узкие улочки почти не расчищены от снега, лишь протоптанные людьми дорожки, убегающие вдоль растущих деревьев. Они сгибают свои ветки от большого количества снега, иногда стряхивая его на прохожих и обнажая при этом красные плоды рябины. Редкие птицы прилетают поклевать замерзшие ягоды. Безликие серые дома тянутся вдоль улицы, освещенной тусклыми фонарями. Хруст снега под ногами, напоминающий скрип крахмала, эхом отдается в тишине сонного городка. На какое-то время этот спокойный мир стал ее домом. Тихим и холодным.

Она неспешно шла, любуясь красотой, которую подарила этому городу природа. Город не был красив, скорее он был уродлив, но снег скрывал все его изъяны. Казалось, что это белое королевство. Царство снега. Зато люди живут здесь яркие, искренние и улыбчивые. По крайней мере, те, кого она знала лично.

Каждый шаг приближал ее к месту, где она чувствовала себя уютно. К месту, где она не могла быть тем, кем являлась. Но это ей нравилось.

Быть ближе к людям.

Быть среди людей.

Быть человеком.



Она свернула по тропинке налево и прошла через калитку в бетонном заборе. Сквозь заснеженный сад виднелось небольшое четырехэтажное здание из красного кирпича — яркое пятно на фоне белой природы. И яркое пятно в жизни девушки. Она посмотрела по сторонам, и взгляд остановился на сером «Рендж Ровере». Сердце сжалось.

*Румыния, 30 км от города Брашов, 1881 год*

— Лия, не уходи далеко. Становится опасно гулять среди людей, — устало произнесла темноволосая женщина, вставая с кровати. Одной рукой она оперлась о стол, другой схватилась за живот. — Черт!

Девушка подбежала к ней и помогла женщине присесть на табурет.

— Мама, что? Опять болит?

— Все нормально, не переживай. Я не ела уже неделю, просто стала слаба.

Женщина задумчиво посмотрела в окно: скоро стемнеет, ей необходимо найти пищу. Но сейчас охотиться стало гораздо сложнее. Люди поумнели: пьют святую воду как лекарство — а от такой крови вампир сгорает изнутри — или носят обереги с вербеной. Стало опасно охотиться. Слишком опасно. Ходят слухи, что где-то на чужой земле истребили уже всех вампиров. Сожгли заживо.

Женщину передернуло, она выругалась вполголоса. Надоело такое существование. Вечное мучение от вечного голода. Будь проклят этот мир! Она посмотрела в голубые глаза своей дочери: юна, красива и чиста. Лицо ангела, обрамленное светлыми волосами, тонкие черты лица, темные брови и длинные густые ресницы. Ангел снаружи, но дьявол внутри. Убийца. Обреченная на вечную жизнь, постоянно жаждущая крови.

Девушка присела на колени к ногам матери, заглядывая в глаза и пытаясь хоть как-нибудь подбодрить ее:



— Скоро папа и Тамаш принесут тебе еды, ты только держись.

Девушка взяла ее руку в свою. Она видела уставшие глаза матери. В них застыла печаль. Женщина больше не хотела жить так. Поначалу новое обличие даже забавляло, еды было много, никто из людей не знал про вербену и святую воду. Вампиры были охотниками. Теперь все изменилось. Теперь жертвами стали они сами.

— Помнишь, как мы ходили с тобой в лес за малиной? — спросила мать. — Помнишь, как грело солнце своими ласковыми лучами наши лица?

Она мечтательно улыбнулась и провела своей рукой по волосам Лии.

— Конечно помню. Мы тогда насобирали четыре корзины ягод, — девушка погрузилась в воспоминания, — а когда, возвращаясь домой, переходили по старому разваленному мосту, упали, и все ягоды поплыли по реке.

Мать с теплом посмотрела на дочь, и они громко засмеялись.

— Да, но тогда было не до смеха. — Женщина обняла Лию. — Ты куда-то собиралась?

— Я хотела прогуляться по лесу, если ты не против.

— Иди. Только будь осторожна. Сейчас очень опасно.

Лия поцеловала руки матери, поднялась с пола и направилась к двери. На несколько секунд она замерла и, прежде чем открыть дверь, обернулась к матери:

— Я люблю тебя, мама.

Женщина, не отрывая взгляда от дочери, улыбнулась и беззвучно, одними губами, произнесла:

— Я тоже тебя люблю, доченька.

Во дворе Лия встретила отца и брата, которые вернулись с охоты с большой добычей — вдвоем тащили тушу оленя.

— Добыча, Лия, не уходи. Олень еще теплый. — Ее брат Тамаш был на три года старше. Такие же светлые волосы, го-

лубые глаза, как у нее, указывали на близкое родство. Но в отличие от Лии на его щеках и на носу красовалась россыпь веснушек. Постепенно они исчезали, не получая солнечных лучей. А в детстве эти маленькие пятнышки были столь яркие, что Лия любила их пересчитывать. Но всегда сбивалась со счета — слишком много их было.

— Я поохочусь в лесу, Тамаш. Моя жертва будет горячее твоей.

Отец положил оленя на землю.

— В лесу уже не осталось животных, дорогая. Почему бы тебе не поесть вместе с мамой?

Лия открыла рот, чтобы сказать, что она совсем не голодна. Но передумала. Это было неправдой. Она не пила кровь уже довольно давно. В округе не осталось ни одного человека, все соседи были вампирами. Из леса убежали все животные и улетели птицы. А возможно, их просто убили вампиры. Наступили голодные времена. Надо было думать о том, чтобы искать себе новый дом. Но мать не хотела никуда уезжать. Судя по всему, она вообще не хотела жить, она устала от такого существования, устала быть зависимой от крови.

— Я пойду погуляю по лесу, кто знает, может, я встречу толстую белку.

Лия открыла калитку и вышла на тропинку. Затем обернулась, чтобы помахать отцу и брату. Они уже заходили в дом, но Тамаш остановился и махнул ей на прощание. Иногда Лие казалось, что он читает ее мысли. Она послала ему воздушный поцелуй и пошла в сторону леса.

Лес стал пустым за последние сто лет. Но, даже несмотря на отсутствие птичьих трелей, он не утратил свой голос. Голос леса — это шелест листвы от ветра, журчание ручья и хруст веток, на которые наступала девушка. Казалось, что ничего не изменилось. Просто стало чуть тише.

Лия шла вглубь, ища уединения и спокойствия. Она обожала гулять. Одна. Любила оставаться наедине с природой.



Тамаш всегда смеялся и называл сестру странной, слишком сентиментальной. Когда-то он учил ее охотиться на животных. Лия была способной ученицей, но эта наука ей давалась с трудом. Каждое убитое животное или убитый человек оставлял тяжелый след в ее душе. Но она убивала. Убивала, чтобы жить. И старалась не задавать себе вопрос подобно матери: а зачем тогда жить? Каков смысл ее жизни? Она просто жила. И старалась насладиться каждым днем, что дарила ей жизнь.

Она прилегла на траву возле ручья, всматриваясь в небо. Солнце уже уходило за горизонт, озаряя его красно-оранжевым закатом. Лия закрыла глаза и погрузилась в глубокий сон. Ей снилось, как она бежит по зеленой тропинке к дому. Тамаш с отцом пилят дрова. Отец устало вытирает рукой пот с лица. Брат хватает сестру в свои объятия и кружит ее. Они смеются. Мама зовет всех к обеду. Из дома веет свежеспеченным хлебом. Смеясь, Лия убегает от Тамаша в дом. Заходит за порог и не видит ничего, кроме черного пепла. Ни стульев, ни стола. Ничего. Только черные, в сажу, стены. И едкий дым пробивает ей легкие, заставляя кашлять. Она оглядывается в поисках своих родных, но их нет. Никого. Она одна. Нет смеха Тамаша. Тишина.

— Мама! — вскрикнула Лия и проснулась. Тяжело дыша, она села и посмотрела на небо. Красивые цвета заката сменились чернотой. Одна большая грозная туча закрыла собой луну и звезды. Сердце девушки затрепыхалось в предчувствии чего-то плохого. Она поднялась с земли и побежала в сторону дома. Темнота окутывала лес. Не было видно тропинки, но Лия хорошо знала дорогу домой и, будучи вампиром, отлично ориентировалась ночью. Она выбежала из леса в направлении своего дома и резко остановилась. От увиденного она хотела закричать, но зажала рот рукой. Ее дома не было. На его месте была лишь куча тлеющего пепла. Не было забора. Даже трава была вся черная. Она обвела взглядом местность. Соседские



дома были также сожжены. Теперь вся деревня была одним черным выжженным пятном. Из каждого места, где стояли дома, шел дым, иногда показывались языки пламени.

— Нет, — шептала Лия, мотая головой, — нет, нет, нет.

Она упала на колени, все еще рукой закрывая рот. Слезы стояли в глазах, затуманивая зрение. Она почувствовала, как к горлу подступает тошнота. «Беги!» — как будто кто-то приказал ей. Но она не могла сдвинуться с места. Она понимала, что оставаться здесь опасно. Люди, сделавшие это, находились недалеко. Она их чувствовала. Она ощущала запах их крови, перемешанный с запахом вербены и гари.

«Беги!» — снова стучало у нее в голове.

Пересилив себя, она поползла на четвереньках в сторону леса. Но силы покинули ее, и девушка рухнула без сознания возле дерева.



*Наше время. Маленький северный городок*

**— Д**оброе утро, — улыбаясь, Лия зашла в отделение, стряхивая снег с пальто, и последовала в свой кабинет.

Она устроилась на работу медсестрой в небольшой кардиологический центр, специально выбрав такую позицию, где не надо было заниматься пациентами. В ее обязанности входила вся бумажная и компьютерная работа, что ее очень устраивало. Тем более этажом ниже находился банк крови. Это все, что ей было необходимо: тихо, спокойно и при этом сыта.

Лия работала в отдельном кабинете: маленьком, но уютном и светлом. Одно большое окно с жалюзи, опущенными наполовину, украшали цветы в коричневых горшках, стоящие на широком подоконнике. Справа от окна находился стол, заваленный горой нескончаемых документов. Пациенты прибывали, лечились и выписывались. Лия вносила в базу данных компьютера все истории их болезней и назначения врачей. Поэтому приходилось слаженно работать с докторами этого отделения.

Позади рабочего места, на небольшой тумбочке, красовался аквариум, в котором плавали маленькие рыбки. Лия обожала этот аквариум, он помогал ей расслабиться. Она часто смотрела на рыбок, и в ее душе наступало спокойствие.





— Доброе утро, Лия, — такой же улыбкой ответила ей старшая медсестра Нина и зашла следом в кабинет. — Ты сегодня опять рано, хоть бы все так приходили на работу.

Лии очень нравилась эта женщина: добрая, отзывчивая и душевная. Вообще с коллективом ей повезло, все были приветливы и общительны. Это отделение стало для Лии в какой-то степени домом. Здесь она отдыхала душой, слушала разные истории, переживала, сочувствовала и радовалась. Она на время забывала о себе, и ей казалось, что она такой же человек, точно с такими же чувствами, как все эти люди.

За целый год работы в этой больнице Лия поняла, что лучшего места в ее жизни еще не было. Будет жаль с ним расставаться. Но рано или поздно наступит время и придется искать себе другой город, новых знакомых и новую работу. А пока у нее еще было в запасе лет десять-пятнадцать. Остаться здесь на дольше просто опасно: люди стареют, а она нет. Так все последние сто сорок лет она кочевала из одного города в другой, из одной страны в другую. Смерть забрала родителей и брата, но жизнь подарила ей преданного друга.

Переодевшись в белый халат, она включила компьютер, пытаясь застегнуть пуговицы одной рукой. В этот раз на ней красовался халатик из последней коллекции «Аделе»: приталенный, с волнистой юбкой, подвязанный широким поясом на талии.

— Нина, вы, случайно, не знаете, пришел ли доктор Мариан?

— Да, Лия, он пришел незадолго до тебя и тоже о тебе спрашивал, — с улыбкой произнесла Нина.

Наверно, им всем казалось, что между медсестрой Лией Бран и врачом Марианом Визардом что-то есть, но на самом деле они были лучшими друзьями. Они вдвоем прошли через многое. Они видели смерть, голод и страх.

Мариан устроился в эту же больницу, чтобы быть ближе к Лие, помогать ей доставать кровь из банка крови.



При рождении Мариан унаследовал от матери тягу к лечению людей, он был знахарем. Когда-то он жил в деревушке в Венгрии, помогал матери собирать травы, делать из них настойки. Люди приходили к ним толпами, приезжали из разных мест. После смерти матери в 1851 году, когда ему было одиннадцать лет, Мариан ушел из дома, долго плутал по лесу, пока не наткнулся на стены монастыря Святого Мортон. Тогда аббат монастыря Бенедект Сайго приютил молодого человека, дал ему еду и крышу над головой, а взамен Мариан посвятил себя служению Богу и прожил в монастыре двадцать лет. Однажды Бенедект сильно заболел и, лежа на смертном одре, призвал к себе Мариана и сказал:

— Не здесь твое место, сын. Ты уже познал Бога, но теперь наступило время познать другую сторону жизни. Жди своего часа, он наступит нескоро, но именно ты должен будешь сделать то, что уничтожит зло, крадущееся, как зеленая чума, к людям. — Аббат трясущимися руками вложил в руку Мариана ключ. — Я умираю. А моя смерть дарует тебе долгую жизнь. Береги ее... — Тут аббат закашлялся, и Мариан уже плохо разобрал последние его слова: — ... кровь двоих... одного... выпить... — И умер.

После смерти Бенедекта Мариан ушел из аббатства. Он обосновался в старой хижине на границе с Румынией и продолжил дело своей матери — изучал новые болезни и способы их лечения. Мариан прочитал много книг, которые были подарены ему лично аббатом Бенедектом еще при жизни. Во всех книгах говорилось об исцелении тела через душу человека: «В благополучии находится тело, если душа человека чиста». Так Мариан и поступал: очищал души людей от грехов с помощью молитвы и трав.

Через десять лет Мариан стал понимать, что не постарел за это время. В свои сорок лет он выглядел на тридцать: именно в таком возрасте он покинул аббатство. Вскоре внешность Мариана стала поводом для разговоров среди местных жителей.



В то время по миру пошла массовая волна убийств нечисти, началась война между людьми и вампирами. Последних развелось очень много, люди создавали целые армии, вооружались кольями, распятиями, святой водой, вербеной и огнем. Нестареющий Мариан попал в поле зрения охотников. Ему пришлось покинуть дом, бежать в Италию. По дороге из Венгрии он встретил Ее — Лию.

\* \* \*

Лия шла по длинному, начищенному до блеска коридору своего отделения, изредка поглядывая в большие окна по правой стороне коридора, и любовалась заснеженными деревьями, ветви которых от тяжести гнулись к земле.

По левую сторону находились палаты и кабинеты врачей. Она остановилась возле туалетной комнаты, увидев идущего к ней Мариана Визарда. Его руки были скрыты в карманах белого халата, и она знала, что он там прячет.

Девушка ступила шаг вправо и зашла в туалетную комнату.

— Привет. — Лия улыбнулась, когда Мариан оказался рядом и закрыл за собой дверь на замок. Ей уже не терпелось взять в руки то, что он прятал, и то, ради чего они здесь собрались.

— О! Как ты меня рада видеть, Лия! Интересно, что этому послужило? — Молодой врач улыбнулся в ответ и протянул пакет с кровью, который все это время прятал в кармане своего халата.

Девушка схватила пакет, уже точно зная, что клыки выбились наружу, а в глазах запылал огонь. Она ненавидела эту реакцию, пытаясь подавить ее, но безрезультатно. Из раза в раз это повторялось снова. Сущность вампира не спрятать. Но она мечтала однажды умертвить в себе этого монстра.

— Я жуть как хочу есть. — Она вонзила клыки в пластик, наслаждаясь вязкой кровью и выпивая ее до последней капли.



Как только пакет опустел, ее глаза стали вновь голубыми и клыки скрылись в деснах, она передала пакет Мариану.

— Когда это закончится? — Каждый раз она задавала один и тот же вопрос. Уже должна привыкнуть к ежедневному ритуалу, но человек внутри нее протестовал. И Мариану каждый раз было жаль ее. Он прижал девушку к себе с такой любовью, что в этих объятиях можно было прочесть ответ: он с ней, он ее не бросит.

— Никогда! Но я всегда с тобой! Слышишь, Лия, всегда.

Она чуть отстранилась и заглянула в его серые глаза, потом улыбнулась и прижалась к его груди еще сильнее. Как с ним было хорошо и спокойно.

— Знаешь, Мариан, я так рада, что мы здесь. Мне нравится это место — тихое и спокойное. Кстати, ты вылечил того старичка из двести пятой палаты?

— Нет, Лия, сегодня утром он умер, — грустно ответил Мариан.

Девушка снова посмотрела в его глаза, теперь в них читалась печаль. Мариан очень тяжело переживал смерть пациентов, он винил себя в том, что не смог сделать все возможное. Он верил в чудодейственную силу трав, специально приготовленных по собственному рецепту. Но как найти их в заснеженном городе, где зима длится девять месяцев? Да и наука ушла далеко вперед, теперь стало модно пить таблетки и делать уколы. Он не спорил по этому поводу и сам назначал препараты. Но, даже окончив два медицинских института, он все равно любил возвращаться к учениям своей матери.

— Мариан, мне жаль, — тихо прошептала Лия. — Значит, пришел его час. Иногда я завидую людям, которые умерли, они уже не мучаются, не болеют, не грустят, они свободны.

Мариан кивнул, все это он прекрасно знал, каждому отведено свое время, и у каждого это время заканчивалось. Только не у него. Он до сих пор не мог понять, почему живет уже больше ста лет. Он не вампир, не оборотень, не колдун, так



почему Бог дал ему такую долгую жизнь? Лечить людей? Многих он не смог спасти, многие умирали у него на руках, и каждую смерть он расценивал как собственное поражение.

— Пойдем, — шептала Лия, — нас будут искать.

Они вышли из туалетной комнаты друг за другом, благо никого не было.

— Может, вечером куда-нибудь ходим? — обернулась Лия, желая как-то отвлечь друга от печальных мыслей. — Хочешь в тот бар, где мы были в последний раз? Тебе там понравилось.

Мариан провел рукой по светлым волосам, потом засунул ее в карман.

— Я сегодня дежурю, давай завтра.

Лия кивнула:

— Хочешь, я останусь с тобой на дежурство?

Это было мило, и Мариан улыбнулся:

— Очень хочу, но также хочу, чтобы ты спала дома, а не в больнице. Спасибо тебе, я как-нибудь продержусь ночь, а завтра мы обязательно куда-нибудь ходим. Идет?

— Конечно, но смотри, если передумаешь — я тут.

— Хорошо.

Они пошли в разные стороны. Лие стало лучше после выпитой крови — немного бодрости перед рабочим днем. Теперь ей хватало одного пакетика в сутки. Главное — выпить его утром. Возможно, что совсем скоро она перестанет пить кровь, и тогда... О да! Она победит свою хищную натуру. Как бы ей хотелось этого после всего, что она пережила, когда очутилась в эпицентре охоты на вампиров, после того как насмотрелась на жуткие убийства. Тогда голодные вампиры рвали человеческую плоть и повсюду была кровь. Люди устраивали пытки, поливая вампиров святой водой с керосином и поджигая их. Эти крики преследовали ее еще очень долго. Тогда она боялась, что скоро придут за ней, и до сих пор боится. Лия чудом осталась жива. Сколько вообще на сегодняшний



день живет вампиров после той чистки в 1881 году? Больше ста лет она не встречала ни одного. Возможно, одной ей удалось выжить. Лия перестала пить живую человеческую кровь, потому что каждая капля теплой крови будила в ней зверя, а она не хотела быть тем, кем являлась. Слишком страшно и опасно быть вампиром. Пока она не пьет живую человеческую кровь, ни один вампир и никто другой не может ее почувствовать. Для всех она теперь человек.

В год чистки земли от вампиров Лия бежала из Трансильвании в Италию, где было спокойней. Самый эпицентр событий развернулся как раз таки в ее родной деревне под городом Брашов. Она потеряла всех, кого знала. Это была ее деревня. Родина всех вампиров. Ее родина. Она не родилась вампиром, такой ее сделали, когда ей было двадцать лет. До этого времени она жила нормальной человеческой жизнью, у нее была семья: отец, мать и старший брат Тамаш. Именно он принес это проклятье, он не убивал, он превращал всех в себе подобных. Убивали они — те, кого он превратил в этих чудовищ.

Лию передернуло от воспоминаний. Она остановилась и оглянулась, но Мариан уже ушел.

— Лия, дорогая, я тебя искала, — к ней подбежала взволнованная Нина с медицинской картой в руках. — Надо отнести ее начальнику, это карта пациента, который умер сегодня утром.

Она сунула Лие толстую карту в руки.

— А, это тот старичок.. Пациент доктора Мариана?

— Да, я сама бы отнесла, но тут такая нервотрепка.. Не могу связаться с Катериной, ее нет на работе.

Нина развела руками и снова схватилась за мобильный телефон.

— Как нет? Она заболела? — Теперь Лия тоже заволновалась. Она знала Катерину, та была очень ответственной и никогда не опаздывала.

Нина мотнула головой:



— Ты иди, потом поговорим.

Озадаченная, Лия направилась к лестнице и, проходя мимо зеркала, взглянула на свое отражение. В фильмах всегда показывают, что вампиры не видны в зеркале, но это ложь. Она выдохнула и вышла из отделения, прижимая карту к груди.

С каждой пройденной ступенькой ее сердце стучало громче и чаще, волнение нарастало. Девушка открыла дверь на четвертый этаж и свернула направо, к кабинету начальника. На последнем этаже работала администрация этой больницы: сам начальник Димитрий Бьюрд, его замы, юристы, экономисты и... — Лия застыла возле одного кабинета, светлая деревянная дверь в который была закрыта, — самые талантливые и квалифицированные врачи. Сердце продолжало учащенно биться, а мысленно она радовалась, что ей не придется встречаться с тем, кто вызывает в ней такое волнение. Она улыбнулась, наконец расслабилась и прошла дальше, к кабинету начальника.

— Доброе утро. — Лия улыбнулась секретарше Ирине, женщине лет сорока с чопорным характером и соответствующей внешностью. — Он у себя?

Та молча кивнула и принялась дальше разбирать завал на рабочем столе. А Лия пару раз стукнула в дверь и зашла внутрь:

— Здравствуйте, я принесла вам карту паци... — Она запнулась, увидев возле начальника Его. Того самого, которого бы не хотелось видеть, потому что сердце при виде него предательски начинало биться сильнее. Вот и сейчас дыхание сбилось. Она уже молча протянула начальнику карту, готовая убежать отсюда как можно скорее.

— Спасибо большое, Лия. — Димитрий встал со своего места и взял карту из ее рук.

— Доброе утро. — Ален Дандевиль не отрываясь смотрел на девушку, и под этим гипнотическим взглядом хотелось провалиться на этаж ниже.



Он был чертовски хорош собой: черные глаза казались такими бездонными, что, если в них смотреть долго, можно потеряться; темно-каштановые волосы слегка вились, а небритость придавала его лицу мужественности. Хотя в то же время он был по-мальчишески юным. Сколько ему лет, если занимает такую высокую должность, но в то же время кажется юным? Двадцать восемь — тридцать?

Ален стоял возле стола начальника, гордо расправив плечи, и смотрел на нее прищуренными глазами с ехидной улыбкой на губах. Почти все в этой больнице считали его высокомерным. Но его уважали за ум. Он был одним из лучших врачей в этой больнице. И самое удивительное было в том, что он редко ходил на обходы к пациентам, врачи из отделений с тяжелыми случаями приходили к нему сами. Его очень любил начальник Димитрий Бьюрд. Те случаи, которые требовали вмешательства начальника, Ален брал на себя, или они вдвоем назначали будущее лечение пациента.

Алена никогда не видели в компании медсестер, скорее всего, он считал, что связь между высшим и средним медперсоналом недопустима и противоречит этическим нормам. Презрительное отношение к среднему звену больницы всякий раз читалось в его надменном взгляде.

Лия это знала, но она и не тешила себя надеждой, что этот умный красавчик обратит на нее внимание. Однако сердце при виде него билось трижды быстрее, и с этим она поделаться ничего не могла.

— Доброе утро, — тихо ответила она, поймав на себе его взгляд.

Надо было уходить, чтобы не чувствовать себя словно на сцене Большого театра, но начальник остановил ее, задав вопрос:

— Это пациент доктора Мариана?

— Да, — настороженно ответила она, боясь, чтобы Мариану ничего не грозило за эту смерть.





Димитрий кивнул и отложил карту.

— Как дела у тебя, Лия?

Этот вопрос поверг девушку в легкое замешательство. Начальник всегда был очень общительным, и она могла ожидать от него любого вопроса, но вот только не сейчас. Ей надо бежать отсюда как можно скорее.

— Хорошо, спасибо. — После этих слов она открыла дверь и вылетела из кабинета. Ее щеки горели, а пульс зашкаливал. Лия спустилась по лестнице очень быстро, никого не замечая на своем пути и мысленно прокручивая в памяти минуты, проведенные в кабинете начальника. Она не ожидала увидеть там Алена Дандевиля, это было волнующе и чертовски приятно. Что греха таить, этот день прожит не зря.

— Аккуратно, вы меня собьете с ног!

Лия подняла голову и увидела доктора Марка Вольфа, врача из ее отделения. Она чуть не налетела на него, не замечая ничего, кроме ступенек. Она хоть не прошла свой второй этаж?

— Здравствуйте, доктор Вольф, извините, я задумалась, — пробормотала она и продолжила спускаться.

Наконец оказавшись в своем кабинете, Лия опустилась в кресло перед компьютером. Надо было приниматься за работу, но сердце еще сильно стучало и румянец не прошел до конца. Почему ее тело так реагирует на этого мужчину? Что в нем такого особенного, чего нет в других? Девушка усмехнулась: смертный заставляет ее сердце биться сильнее. Знал бы он, что испытывает к нему такое чудовище, как она. Раньше, лет двести тому назад, она бы накинулась на него и выпила всю кровь, но, увы, теперь она не могла себе позволить такую роскошь. Ей надо держаться от него подальше, она не может любить человека.

Девушка вздохнула и перевела взгляд на монитор. Вот оно — проклятье вампира: навеки оставаться одинокой, не иметь ни семьи, ни любимого человека, ни друзей. Это чудо,



что у нее есть Мариан. Дружбу с ним она берегла особенно тщательно.

— Лия, здравствуй. — В кабинет вошла Катерина, отвлекая девушку от монитора и мыслей. Та обернулась к медсестре, которую все потеряли с утра:

— Где ты была? Ты проспала? Тебя все искали. Что-то случилось?

Катерина поправила легкий шарфик у себя на шее и, смотря мимо Лии, сказала:

— Нет, со мной все в порядке, я была здесь, в соседнем отделении. Я просто... — Она запнулась и задумалась.

У всех есть свои секреты, не важно, кто ты в социальном звене этой больницы, начальник или санитарка.

— Я поняла, можешь не объяснять мне, главное, что ты вернулась.

Катерина кивнула, еще раз дотронулась до шарфика, поправила его и вышла. Наконец можно приступить к работе, и Лия взяла пачку медицинских карт. Но мыслями она была далека от работы, их занимал один человек, которого снова хотелось увидеть. Эти мысли прервал мужской голос:

— Здравствуйте еще раз.

Лия оглянулась и увидела доктора Марка Вольфа в дверном проеме.

Марк устроился на работу незадолго до прихода в клинику Лии. Он был хорошим врачом. Правда, всегда угрюмым, молчаливым и серьезным. Лие казалось, что он одинок, поэтому у него такой несчастный вид. Он никому ничего про себя не рассказывал, часто брал ночные дежурства, а выходные проводил в больнице. Возможно, он был фанатом своего дела, его пациенты выздоравливали всегда быстрее. Внешне Марк был очень хорош собой: коротко стриженный шатен, высокие скулы, прямой нос, зеленые глубокие глаза — можно сказать, он был дворянской внешности. Такой аристократический тип. На вид ему можно было дать около тридцати пяти лет. С его



внешностью, высокой и статной фигурой он мог стать секс-символом этой больницы. Но его угрюмость и молчаливость все портили. Лия чувствовала себя неуютно рядом с ним. Они общались исключительно по работе, и о большем с ним не хотелось болтать.

— Здравствуйте, — проямлила она, но на самом деле ей было радостно видеть хотя бы его. Лия любила общение, любила, когда к ней заходил кто-нибудь, любила слушать и любила говорить сама.

— Я принес вам карту пациента, начальнику она больше не нужна. — Он протянул ей бумаги.

— Надеюсь, что все хорошо? — спросила Лия и тут же осеклась: — Я имела в виду... м-м-м... не то, что он умер, это нехорошо. Я спрашивала про документы.

Он кивнул:

— Я понял. Все в порядке. Можете отправлять их в архив, — сказал Марк и вышел.

Как только за ним закрылась дверь, Лия начала размышлять о Марка Вольфе и Алене Дандевиле, невольно сравнивая их. Они разные, но что-то их объединяло. Она задумалась... Отношение к людям! Именно! Марк хоть и не смотрел на всех высокомерно, но был немногословен и часто хмур. Интересно, он умеет улыбаться? Она никогда не видела улыбку на лице Марка Вольфа. Но зато она видела ухмылку на губах Алена и этот взгляд. Нахальный взгляд! Высокомерный! Алена точно осознает свое превосходство над всеми, кто здесь работает, и постоянно напоминает об этом своим поведением. Он умен, и он — любимец начальника. Все же они с Марком Вольфом разные.

День прошел за работой и в раздумьях, а под конец рабочей смены к Лие в кабинет забежал Мариан:

— Ты уже уходишь домой?

Лия вздохнула и достала сумку.

— Именно так, я ухожу домой, но если хочешь, я останусь с тобой на дежурство. — Она улыбнулась ему.



Мариан отрицательно покачал головой:

— Нет, иди отдыхай. Увидимся завтра утром, — он подмигнул ей, — за завтраком. Какую группу крови предпочтешь завтра?

Лия широко улыбнулась:

— Пожалуй, первой будет достаточно.

— Хорошо, будет сделано.

## Г Л А В А 2

Лия медленно шла по улице, совсем не торопясь домой — там ее никто не ждал. Дома было скучно и одиноко. Если бы Мариан не работал ночью, скорее всего, пришел бы к ней. Они бы заказали пиццу, посмотрели фильм, посмеялись или погрустили, вспоминая старую жизнь. А может, даже прогулялись по темным улицам, любуясь полной луной.

Лия остановилась, засмотревшись на небо. Сегодня полная луна! Лучше провести вечер дома, а не бродить по пустынному городу. Страх перед полнолунием преследовал ее всю жизнь. В полнолуние оборотни превращались в волков. А для вампира нет врага страшнее. Хотя, возможно, есть! Например, толпа людей с факелами, вербеной и святой водой.

Лия присела возле дома на скамейку, не отрывая взгляда от луны. Сейчас нет оборотней, после зачистки в 1881 году их всех истребили, она не встречала ни одного, ей нечего бояться. Если только саму себя, потому что полнолуние влияет и на нее тоже: клыки увеличиваются, появляется желание охотиться и пить живую человеческую кровь. Она еле сдерживает эти порывы.

Вот почему Мариан взял дежурство именно в этот день! Он ее боится, до сих пор боится! Но она не могла винить его в этом, она бы тоже боялась.



Ночью Лия несколько раз просыпалась от собственного крика, ее клыки увеличились вдвое. Ей снилось, как она впицается в шею жертвы и теплая струя крови сочится в желудок. Затем снились глаза ярко-изумрудного цвета, которые наблюдали за ней. Опять снились война, зачистка вампиров, живые, счастливые родители, зовущие ее с собой. Но Лия не поддалась, не пошла за ними.

Ален тоже был во сне. Он прижимал ее к себе и успокаивал. Гладил ее волосы, шептал что-то на ухо, и она улыбалась.

Лия проснулась, ощущая страшный голод. Эта ночь была тяжелая, столько ярких реалистичных снов еще никогда ей не снилось.

— Мама, — позвала она в пустоту, но ответа не было, — как же я соскучилась по тебе и папе.

Лия еще долго сидела в кровати, приходя в себя. Ей не хватало родителей, неизвестные зеленые глаза внушали страх и ужас, но, несмотря на все это, что-то согревало душу. И она вспомнила что: ей снился Ален. Совсем другой Ален, не тот высокомерный тип, а добрый, нежный, ласковый Ален.

Всю дорогу до работы она вспоминала сны и подавляла страшный голод. Уже скоро она получит свой завтрак, будет сыта и на время забудет о крови. Направляясь к главному входу больницы, Лия обернулась на шум машины — знакомый серый «Рендж Ровер» проехал мимо, сидящий в нем Ален кивнул девушке. Ее сердце гулко забилося. Не хотелось бы, чтобы он заметил ее глупое волнение. Девушка прибавила шаг и начала рыться в кармане в поисках ключ-карты.

— Доброе утро.

Лия замерла, так и не открыв дверь. Оборачиваться не хотелось, но выбора не было. Совсем рядом стоял Ален Дандевилль. Такой красивый и такой надменный. Он смотрел на нее с прищуром, с легкой ухмылкой на губах, и его взгляд показался ей презрительным. Но сердце не обращало на это никакого внимания, оно билось все сильнее и сильнее.



— Доброе утро, — ответила она сухо и сразу же отвернулась, наконец вытащив ключ-карту и приложив ее к двери.

Зайдя внутрь клиники, Лия слегка пошатнулась: голод и волнение дали о себе знать. Пришлось прижаться к стене и пропустить Алена вперед. Было бы лучше, если бы он прошел быстрее и не вызывал в ней непонятные чувства. А она поплетется следом и будет подавлять в себе свою настоящую сущность.

— С вами все хорошо? — спросил Алэн, поравнявшись с ней на одной ступеньке.

— Нет, то есть да, — ответила она и даже натянула фальшивую улыбку. Их взгляды встретились, но в его глазах она не увидела сочувствия. Алэн по-прежнему держался отстраненно. И кажется, его удовлетворил ответ, он кивнул и пошел наверх.

Лия постояла еще немного, чтобы отдышаться. Сердце замедляло темп. Чем дальше от нее отходил этот доктор, тем медленнее оно билось.

Она поднялась к себе на этаж и едва успела приоткрыть дверь в свой кабинет, как кто-то схватил ее за руку и с силой втащил в помещение. Дверь тут же закрылась. Мариан прижал ее к себе.

— Что за обнимашки? Ты так соскучился по мне?

Он не отпускал ее. Казалось, что его объятия становятся только сильнее.

— Лия, послушай, я принес тебе кровь, выпей ее здесь. Мне надо тебе кое-что сказать, я хочу, чтобы ты это услышала от меня. Но сначала поешь.

Он выпустил ее из объятий.

— Мариан, что случилось? — Волнение нарастало. Она не могла припомнить, чтобы он когда-либо вот так встречал ее. В ее кабинете, с пакетом крови.

Он молча протянул ей пакет. После бессонной ночи Лия была жутко голодная. Как она еще не набросилась на Алена, когда он был совсем рядом.



Девушка быстро выпила предложенную Марианом кровь, чтобы услышать рассказ друга.

— Вторая группа, — улыбнулась она ему, — ты обещал первую, но все равно спасибо.

Мариан смотрел Лие прямо в глаза, в его взгляде уже не было волнения, в нем читался ужас:

— Лия, я тебе сейчас кое-что скажу, но ты сразу не паникуй.

Девушка испуганно попятилась и уткнулась спиной в закрытую дверь:

— Мариан! Я уже паникую! Тебя поймали, когда ты брал кровь из банка? Именно поэтому сегодня была вторая группа? Ты наспех брал? Тебя поймали?

Она не могла себе представить ситуации страшнее, чем их разоблачение.

Мариан отрицательно покачал головой:

— Нет, в этом плане все нормально, хотя и были трудности. Но дело не в этом.

Лия не выдержала и закричала:

— Так в чем же?

Мариан понизил голос:

— Сегодня утром в банке крови обнаружили Катерину. Мертвой!

Лия ахнула. Как так? Она же еще вчера с ней разговаривала в этом самом кабинете, та была в полном здравии.

Мариан продолжил:

— Никто не знает, что с ней случилось. Она лежала на полу белая как мел. — Он совсем перешел на шепот: — На ее шее я увидел следы от укуса.

Лия от ужаса прикрыла рот рукой, чтобы ее не было слышно, если она вдруг начнет кричать. Затем прошла к стулу и села, а Мариан опустился на колени рядом:

— Ее нашел санитар, который пришел убирать утром. Он вызвал полицию, приехал начальник. Они все видели. Не знаю, поняли ли что-нибудь.



Мариан встал и начал ходить по комнате.

— Нам надо уехать.

Лия все еще сидела, не веря услышанному. Она закрыла глаза и вспомнила свой сегодняшний сон: она впивается зубами в мягкую плоть и кровь теплой струйкой течет в ее рот. Не может быть! Она не могла!

— Ты думаешь, что это я? — спросила она, вставая со стула и направляясь к двери.

— Куда ты? — Он схватил ее за рукав куртки, которую она так и не успела снять.

Лия отдернула руку:

— Пойду и посмотрю своими глазами.

Мариан пытался ей помешать, но она уже вышла за дверь и побежала на лестницу, чтобы спуститься этажом ниже, в банк крови.

В коридоре толпились сотрудники. Лие пришлось буквально расталкивать их руками, чтобы пройти. Сердце сильно стучало, руки дрожали. Наконец в центре толпы она увидела бездыханное тело. К горлу подступила тошнота. Катерина лежала на спине белая как снег, скорее всего обескровленная. Все было в точности, как и описал Мариан. Лия не могла поверить своим глазам. Тело уже рассматривали криминалисты. Они повернули шею жертвы, и Лия чуть не ахнула, увидев две маленькие раны.

— Я же сказал всем уйти! — сквозь гул сотрудников крикнул начальник. Лия только сейчас подняла глаза на него. Рядом с Дмитрием стоял Ален, тоже бледный и явно шокированный. Он еще не успел снять верхнюю одежду, наверно, это известие застало его, когда он поднялся к себе на этаж. Он взглянул на Лию, вся его надменность испарилась, в его глазах застыл страх.

— Прошу остаться только свидетелей и начальство, — скомандовал следователь, — остальных я опрошу позже.





Все начали расходиться. Плачущую Нину уводила Юлианна, медсестра из отделения Лии. Многие плакали: Катерина проработала в этой больнице двадцать лет, ее знали все.

Кто-то схватил Лию за руку, и от неожиданности она вздрогнула.

— Пошли, — скомандовал Мариан.

Лия попятилась к выходу и в последний раз бросила взгляд на бездыханное тело Катерины, потом на Алена — он остался с начальником, потому что не мог бросить друга в такой ситуации. Алена тоже посмотрел на Лию и тут же опустил взгляд на тело, которое закрывали простыней.

Лия и Мариан молчали до тех самых пор, пока не зашли к ней в кабинет. Девушка только сейчас заметила, что ее бьет мелкая дрожь.

— Мариан, я не могла, не могла этого сделать. Я бы помнила. Мне снился сон, снилась кровь, теплая кровь, — она посмотрела на него, — но я не могла...

Он взял ее лицо в свои ладони:

— Послушай, Лия, это не ты. Если бы ты убила человека, то утром была бы сыта, но ты была голодна даже больше обычного.

Лия вспомнила, что проснулась с чувством дикого голода.

— Я думаю, есть еще один вампир! — сделал вывод Мариан. — Других версий у меня нет.

Она отпрянула от него. Еще вампир! Нет, только не еще один вампир!

Мариан продолжил:

— Возможно, это кто-то из больницы. А может, он просто узнал про банк крови и пришел утолить голод, а Катерина ему помешала, и он убил ее как свидетеля.

— Нет, Мариан. — Лия в ужасе посмотрела на друга и начала рассуждать: — Ни один вампир не будет пачкаться в крови, чтобы убрать свидетеля. Для этих целей есть гипноз: пару слов, и жертва, как зомби, повторяет все, что ты ей скажешь.



И еще: я не чувствую вампира в этом здании. Если он пьет живую кровь, я бы об этом знала.

Мариан инстинктивно тронул рукой медальон с вербеной у себя на шее. Лия посоветовала ему носить украшение всегда, чтобы у нее не было соблазна применять на нем свои гипнотические силы. После войны в 1881 году многие люди стали носить такие медальоны, чтобы вампиры не могли подчинять их.

Мысли Лии прервала Нина, заглянув в кабинет.

— Через полчаса начальник всех собирает в конференц-зале, — произнесла девушка тихо, тут же приложив к красным заплаканным глазам платок, и вышла.

— Меня уже опрашивали полицейские, — вздохнул Мариан, — я вообще не выходил из отделения. Кровь для тебя я достал прямо перед их приездом. Подумали, наверно, что кому-то из больных понадобилась. Так что не переживай.

Но Лия не могла успокоиться. Здесь, среди всех этих людей, возможно, ходит еще один вампир. И довольно-таки странный вампир, который убивает жертву, вместо того чтобы лишить ее памяти.

Через полчаса все сотрудники собрались в конференц-зале. Помещение было небольшим, сидячих мест на всех не хватало, и некоторым пришлось стоять. Взгляды людей были направлены на главный стол, за которым восседал сам начальник Димитрий Бьюрд. Рядом сидел Ален, опустив взгляд на свои сцепленные в замок пальцы. Димитрий всегда выглядел так, как будто был рожден, чтобы руководить больницей: из-за высокого роста и лишнего веса он казался крупным, массивным. Ален рядом с ним смотрелся совсем еще юнцом, но лишь на первый взгляд. По крайней мере, сейчас Ален выглядел намного собраннее, чем начальник, который нервно заламывал пальцы и украдкой поглядывал на следователя, сидящего от него по другую сторону.

Лия протиснулась между двух медсестер в поисках места, но все было занято. Пришлось встать у стены, ловя на себе



черный взгляд. Алэн тут же отвел глаза, рассматривая людей. В его взгляде снова читалось презрение, он изучал каждого с таким интересом, что становилось страшно. Как будто он перебирал сотрудников, выискивая убийцу. Но Лия уловила в таком его поведении только неуверенность и страх. Она не отрываясь следила за ним — редко когда вот так просто можно понаблюдать за человеком, который тебе нравится. Жаль, что повод грустный.

— Я собрал вас здесь в связи с очень печальным событием... — начал говорить начальник и после небольшой паузы продолжил: — Как вы уже знаете, сегодня утром была обнаружена мертвой наша коллега из второго отделения — Катерина Кныш, мы все запоем ее как всегда улыбающегося, жизнерадостного человека. Она была хорошим работником. Для нашей больницы это большая потеря.

От этих слов у Лии сжалось сердце. Начальник говорил искренне, и это чувствовалось в его словах. Она перевела взгляд на Алэна, желая поймать его реакцию: его взгляд был задумчивым, он тоже слушал Димитрия. Лия осмотрела зал: Нина стояла с платком в руках, Юлианна — медсестра из их отделения — сидела с ней рядом и обнимала, поддерживая. Пришли все врачи: доктор Мариан Визард; престарелый седовласый доктор Ширей, повидавший, наверное, все на своем веку, но такое впервые; доктор Марк Вольф, склонив голову, внимательно слушал речь начальника; доктор Эмилиан Лоан — молодой врач, только что прошедший ординатуру и первый год работающий в этой больнице.

В этом зале присутствовали сотрудники и из других отделений: врачи, медсестры, санитары, — но Лия плохо знала их имена.

Начальник встал.

— Я прошу вас соблюдать спокойствие, работать в штатном режиме и не показывать своим видом пациентам, что у нас в больнице произошел такой вопиющий случай, — призвал он.



— Вы нам скажете, от чего она умерла? — спросил кто-то из толпы.

Лия посмотрела в сторону, откуда послышался голос. Этот вопрос задал санитар из соседнего отделения. Кажется, его имя Лайон.

Начальник нахмурился и посмотрел на следователя.

— Мы постараемся выяснить причину смерти, но пока ничего не известно.

По залу разнесся гул: кто-то начал возмущаться, кто-то — пересказывать подробности случившегося.

Его прервал следователь, который встал, пытаясь обратить на себя внимание:

— Чуть позже я пройду по отделениям и возьму у каждого показания. Если кому есть что сказать, можете остаться здесь и мы пообщаемся сейчас.

Гул снова возобновился.

— Это убийство? Ее убили? — выкрикнул кто-то.

Лия вздрогнула от этих слов. Она посмотрела снова на Алена, он всматривался в толпу, ища глазами того, кому принадлежали эти слова.

— Мы ничего еще не знаем. Это все, расходитесь по своим отделениям, я скоро начну допрос, — сказал следователь.

Все начали шумно расходиться. Лия тоже направилась к выходу. Мариан, поравнявшись с ней, подмигнул и произнес одними губами, что все будет хорошо. Она кивнула. Хотелось бы в это верить.

В кабинете они снова остались наедине, здесь можно было высказать свои догадки. У Лии до сих пор не укладывался в голове факт укуса и смерти жертвы.

— Среди всех собравшихся в зале я не ощущала никого необычного. — Девушка развела руки в стороны.

— Может, я ошибся? Может, мне померещился укус?

— Но я его тоже видела!

Мариан сел на стул.



— Может, ты не видишь вампира? Не чувствуешь, как не чувствуют они тебя?

— Он выпил живую человеческую кровь. Я бы это почувствовала, поверь. — Лия села рядом.

Мариан пожал плечами. В дверь постучали, прерывая их разговор, и она тут же открылась. На пороге стоял следователь, высокий худощавый мужчина, ничем не примечательный на вид.

— Лия Бран?

Девушка кивнула.

— Мне надо задать вам пару вопросов. — Он посмотрел на Мариана: — Вы не могли бы нас оставить?

— Да, конечно. — Мариан рукой коснулся плеча Лии в знак поддержки и вышел.

Пока следователь доставал блокнот и ручку, девушка почувствовала себя неудобно. Любой допрос — это стресс. А если ты не человек, то стресса еще больше.

— Лия Бран. — Следователь стоял, и Лие приходилось на него смотреть снизу вверх, что нервировало еще сильнее. — Красивое имя и очень необычная фамилия, не помню только, где я мог ее слышать?

Лию накрыла волна паники. Все, что касалось ее прошлого, не касалось никого. Зря она не сменила фамилию.

— Бран — это деревушка в Румынии, — ответила она четко. Во рту пересохло.

— Ах да, точно, — засмеялся мужчина. — Вы родом из Румынии?

Она могла бы сейчас применить гипноз. Через несколько секунд он бы не вспомнил о своем вопросе и месте ее рождения. Можно было бы даже разузнать у него, что он видел на теле Катерины и что думает по этому поводу. Но нет! А вдруг на нем вербена? Она не могла так рисковать.

— Да, я из Брашова.

Следователь кивнул:



— Хорошо, Лия Бран, когда вы последний раз видели Катерину живой?

Даже память не надо было напрягать, чтобы вспомнить то утро.

— Она пришла ко мне сама, приблизительно в десять утра. Все думали, что она проспала, но она мне сказала, что была здесь. — Лия задумалась, и перед ней предстала яркая картинка вчерашнего дня — в соседнем отделении.

Тут же Лия вспомнила, что у Катерины был странный вид, она как будто что-то недоговаривала. И постоянно поправляла шарфик. Шарфик! На кой черт ей шарф на работе? Она никогда не носила шарфы.

— Лия? Вы еще что-то вспомнили?

— Нет. — Девушка отрицательно мотнула головой.

— Тогда скажите, вы не заметили в тот момент что-то странное в поведении Катерины?

Да все было странное! И ее молчание, и этот шарфик!

— Нет, — солгала Лия, — но она была молчаливее, чем обычно.

— Хорошо, — он кивнул и сделал пометку у себя в блокноте. — Во сколько вы сегодня пришли на работу?

— К девяти утра, как обычно.

— Кто-нибудь видел, как вы пришли?

Лия кивнула, вспомнив сегодняшнее утро.

— Ален Дандевиль, мы встретились у входа в больницу.

— Хорошо, если еще что-то вспомните, то непременно сообщите. Мой телефон есть у начальника.

Следователь вышел. Лия только сейчас поняла, как колотится ее сердце. Мысли лихорадочно путаются: шарфик, шарфик, странная, молчаливая. Об этом надо было сказать Мариану. Она не стала ждать, вскочила и выбежала в коридор, налетев на Алена. Хорошо, что сумела вовремя затормозить, буквально в паре сантиметров от него, он только успел поднять ладони, чтобы ее остановить.



— Прошу прощения, — прошептала она. Несколько секунд тишины, и стук собственного сердца, больше девушка не слышала ничего.

— Не бегайте так быстро, тут может быть опасно, — прошептал он и с хитрой улыбкой отошел от нее.

Она кивнула и пошла спокойным шагом, уже забыв, зачем вообще она куда-то бежала. Его слишком много для одного утра.

Не оглядываясь, затаив дыхание, она направилась по длинному коридору. За окном, на улице, опять пошел снег, белыми хлопьями стелясь по земле. Лия остановилась. На секунду ей захотелось очутиться там, забыв о страшном происшествии в стенах этого здания. Наслаждаться пушистым снегом, может быть, смеяться, кидаться снежками, завалиться в сугроб и смотреть на небо. И она представила рядом Алена, улыбающегося и счастливого.

Лия тут же вздрогнула, боясь, что кто-то прочитает ее мысли, и прогнала их прочь. Такого никогда не будет, можно даже не мечтать. Она не человек, а он слишком гордый, чтобы валяться в сугробе с медсестрой. И все же девушка обернулась, чтобы убедиться в том, что он ушел. Его уже не было.

Дойдя до ординаторской, она постучала и заглянула внутрь. Четверо врачей сидели тихо, каждый занимался своей работой. Доктор Марк Вольф что-то писал в карте, Мариан читал медицинскую книгу, молодой Эмилиан Лоан сидел за компьютером, а престарелый доктор Ширей задумчиво смотрел в окно. На ее стук все резко обернулись. Наверно, думали, что это следователь, потому что, когда увидели Лию, расслабились.

— Здравствуйте еще раз, — сказала девушка. — Доктор Мариан, можно вас на минутку?

Он кивнул, быстро встал со своего места и вышел.

Доктор Ширей улыбнулся:



— Ох, молодежь, молодежь, уже не могут находиться друг без друга и полчаса.

Марк недовольно посмотрел на него и снова погрузился в карты пациентов.

— Она хорошенькая, — оторвался от компьютера Эмилиан, — я бы сам не смог пробыть и пяти минут без такой красоты.

Он посмотрел на доктора Ширея, расплывшегося в доброй улыбке. Видно было, что престарелый доктор в молодости был еще тем повесой.

— Эх, — грустно вздохнул он, а потом они оба засмеялись.

Марк снова оторвался от карт, сложил их стопкой, встал и направился к двери.

— У нас обход задерживается из-за допроса следователя. Если придет, пока меня не будет, позовете.

Выйдя из кабинета, он увидел Лию и Мариана, они стояли у окна и шептались. Марк прошел мимо и направился в первую по списку палату.

— Мариан, давай уйдем в туалетную комнату, — прошептала Лия, — это важно.

Мариан уставился на нее:

— Да ты что! Сейчас все под наблюдением, нас увидят и чего только не припишут.

— Пошли, — она схватила его за руку и потащила, — такое не обсуждается в коридоре посреди больницы.

Они завернули за угол и зашли в туалетную комнату, закрыв за собой дверь.

— Лия, все это мне не нравится.

— Послушай, Мариан, я вспомнила кое-что. Вчера Катерина была очень странная, глаза затуманены, на лице не было эмоций, немногословна. Она даже не особо пыталась рассказать, где была... — начала Лия, но Мариан ее перебил:

— Может, ей нездоровилось или она не хотела, чтобы все знали, где она была. Может, она была с любовником!





Лия закатила глаза:

— Или «любовник» не захотел, чтобы она знала, что была с ним!

Она подошла совсем близко к Мариану и прошептала:

— У нее на шее был шарф, хотя носить шарфы ей несвойственно. Ее укусили еще вчера и дали установку об этом забыть, — Лия отошла от него, — а еще повязать шарф. Я сама так делала много раз. Люди не помнят, что с ними произошло, и придумать ничего не могут, так как для них этого времени как бы не было.

— Получается, что вчера этот убийца тоже был здесь.

Лия кивнула.

— Боюсь, что он имеет доступ к этой больнице.

Мариан в ужасе прижался к стене: больше всего на свете он боялся, что когда-нибудь они придут и заберут ее в свой мир обратно. Но при этом устроят настоящий ад.

— Я не понимаю, почему ты его не чувствуешь? Он же пил живую кровь.

Лия пожала плечами:

— Может, из-за того, что я долго не пила ее сама? И потеряла обоняние вампира?

— Нам надо бежать отсюда, уезжать, Лия. Это уже не смешно. Становится просто опасным тут находиться. Уедем в теплую страну. Как тебе Египет? Может, в Индию? Давай еще дальше — на Филиппины.

Лия недовольно посмотрела на него, открыла дверь и вышла. Мариан пошел следом.

— Что ты молчишь? Куда ты хочешь? Скажи, и я все организую!

Она остановилась возле окна и посмотрела на улицу. Снова снег, белый и пушистый, укутывал землю, крыши, дороги. В этом городе все кругом было белое. Вампиры предпочитают холод, именно поэтому друг зовет ее в жаркие страны, где их уж точно никто не потревожит. Она обернулась. Мариан



смотрел на нее своими серыми, широко открытыми глазами в надежде, что сейчас она скажет «да». Но она отрицательно мотнула головой. Он обреченно выдохнул. Лия шла с ним бок о бок уже больше века, они не смогут жить друг без друга. Мариан даже не понимал своих чувств к ней, потому что настолько сильно привык к этой девушке. Она заменила ему всех! Она была ему всем! Лия — его семья. Оставшись здесь, они очень рискуют. Он боялся ее потерять. А что, если ее убьют? Тогда для него потеряется весь смысл жизни, хотя этого смысла и так нет, но Лия украшает эту жизнь просто одним своим существованием.

Он оперся руками о подоконник.

— Почему?

Она молчала. Все это время он смотрел на нее и ждал ответа. Но она молчала. Лишь ее сердце стало биться все сильнее и сильнее, оно буквально готово было вырваться наружу. Почему? Знала ли она ответ на его вопрос?

Их тишину прервали проходящие по коридору следователь и Ален Дандевилль.

— Лия Бран, — следователь подошел ближе, — и Мариан Визард. Я скоро выучу имена всех сотрудников в этой больнице.

Лия напряглась, чувствуя себя снова неудобно. Мариан повернулся к ним и встретился взглядом с Аленом. Тот тоже не отрываясь смотрел прямо в глаза Мариану.

— Доктор Визард, вы уже давали показания следователю? — спросил Ален и сделал шаг к Мариану. — Кажется, вы дежурили этой ночью в больнице?

Эти слова он произнес с саркастической ухмылкой на губах.

— На что вы намекаете, доктор Дандевилль? На то, что я причастен к этому убийству? Я могу задать тот же вопрос и вам: где вы были этой ночью? Возможно, вы могли вернуться сюда и совершить преступление. — Мариан начал закипать.



— Мариан, прошу тебя, не надо! — шепнула другу перепуганная Лия.

Саркастическая улыбка Алена даже не дрогнула, но он грубо и громко произнес:

— Этой ночью, доктор Визард, я был безумно занят, предавался плотским утехам, пока вы скучали здесь в одиночестве. И кто знает, чем вы тут занимались еще. — Он прищуренным взглядом посмотрел сначала на Лию, потом снова на Мариана.

Лия ахнула, сердце чуть не вылетело из груди от безумного волнения. Она будто в замедленной съемке видела, как Мариан вышел из себя и одной рукой замахнулся на Алена. Не понимая, что делает, Лия в одну секунду встала между ними, лицом к Алену. Реакция Мариана, испытанная веками, сработала — он вовремя опустил руку, не задев девушку. Он испугался сам себя в эту секунду. Никто не понял, как так получилось: почему она влезла между ними?

Следователь уже был возле Алена, хватая его за руку, которую тот поднял, чтобы отбить удар. Глаза Алена встретились с ее глазами. Такими голубыми и яркими, как озеро в солнечный день в диком лесу.

— Ух ты! Да у вас тут весело! — слышался позади голос выходящего из палаты пациентов Марка Вольфа.

Ален отступил на шаг, продолжая смотреть в глаза Лие. Следователь отпустил его руку, удостоверившись, что продолжения не последует.

— Доктор Дандевиль уже уходит, — сказал он, — произошло недоразумение. А вы кто?

Теперь все внимание было приковано к Марку.

— Врач, — спокойно ответил он, — и вы, наверно, хотите взять мои показания? Только если вся эта компания не пойдет с нами, прошу вас пройти со мной туда, где нам никто не помешает.